

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

УРАРТСК. MARI, ХУРРИТСК. MARIANNE,
ХАЙАССК. MARIJA-

В изданном И. М. Дьяконовым урартском тексте, перечисляющем состав людей царского хозяйства, упомянуто 1113 людей *maṛi*: I LIM I ME XIII ^Lma-te-ji¹. И. М. Дьяконов в своем переводе текста предложил перевод «знатных»², основываясь на сопоставлении с хурритским *maṛianne*, обычно переводившимся 'знатный', и на том, что урартский список людей царского храмового хозяйства начинается с людей *maṛi*³. Соответственно урартское прилагательное ^(L)ma-ri-ḫe в другом сильно поврежденном урартском тексте И. М. Дьяконовым интерпретировалось как притяжательное прилагательное к ^Lmaṛi 'знатный'⁴. Гипотеза И. М. Дьяконова о связи урарт. *maṛi* с хуррит. *maṛianne* представляется исключительно плодотворной. Но для более узкого определения вероятного значения *maṛi* собственно в урартском следует обратить внимание на соотношения терминов внутри упомянутого документа, перечисляющего людей царского хозяйства. В этом тексте вначале следуют одна за другой две наиболее многочисленные категории перечисляемых людей — 1113 людей *maṛi* и 3784 евнуха, за которыми следуют другие категории лиц — обычные воины и рабочие⁵. Противо-

¹ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М., 1963, стр. 39, № 12, стк. 9; написание *ma-te-GI* толкуется как *ma-te-(I)i*.

² Там же. Ср. I. M. Diakonoff, Die Arier im Vorderen Orient: Ende eines Mythos, — «Orientalia», vol. 41, fasc. 1, 1972, стр. 115.

³ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, стр. 81 и 89; ср. Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, — ВДИ, 1971, № 3, стр. 231; № 4, стр. 286.

⁴ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 39 и 81. Общесоциологический интерес в этом случае, как и в других типологически с ним сходных в странах Древнего Востока и Мусульманского Востока (ср. число евнухов при дворе, доходившее до 1¹ тыс.: А. Мец, Мусульманский Ренессанс, М., 1973, стр. 129), могло бы представить возможное объяснение значительного относительного числа евнухов (3784 из общего числа 5507 человек, названных в документе), что едва ли выводится только из сакрального характера популяции при храме; возможны

поставление людей *marī* — «знатных» и евнухов едва ли семантически можно считать понятным, тогда как оппозиция типа 'молодой мужчина (из знатных) в возрасте после совершеннолетия' — 'евнух' кажется вполне оправданной. Если верно предположенное И. М. Дьяконовым определение одной из двух подгрупп внутри урартских *marī* — *tardašḫe* (значение неясно) и *kirine* (по И. М. Дьяконову, 'чашники', 'чашеносцы', ср. урартск. *kiri* 'чаша', гетерограмму *ŠL. ŠU. DU.*, шумерск. *saġi* 'чашеносец' = 'приближенный', 'личный слуга'⁶), то значение 'молодой человек' во всяком случае не исключает значения 'чашеносец' у подгруппы группы (знатных) молодых людей.

Это же значение '(знатный) молодой мужчина' кажется подходящим и для истолкования до сих пор остающегося неясным термина *Marja-*, встречающегося с детерминативом мужского собственного имени в государственном договоре между хеттским царем Суппилулиумасом и правителем Хайасы Хуккана. Как уже отмечалось в научной литературе, в этом государственном договоре имя *Marja-* встречается в трех его разделах (всего четыре раза). Первый раз оно упомянуто в повествовании о *Marja*, сочиненном в духе характерного еще для более ранней хеттской литературы (в частности, для древнехеттской дворцовой хроники или «книги анекдотов») назидательного рассказа о покаранном придворном:

nu-za ki-i ŠA É.GALLIM [A.]WA.AT SAL me-ik-ki a-ru-ma-uš-g[(a-aḫ-ḫu-ut)] *Ma-ri-ja-aš* ku-iš e-eš-ta na-aš-ku-e-da-ni u-d[a-ni-i še-ir BA.UG. Ú.UL SAL. SUHUR.LAL i-ja-at-ta-at a-pa-a-ša-an-kán an-da a-uš-zi A.BI ^{du}tuŠI-ma-kán *im-ma* GIŠAB-az ar-ḫa a-uš-zi na-an-kán IŠ.BAT zi-ik-wa-kán a-pu-u-un an-da ku-wa-at a-uš-ta na-aš a-pi-e-da-ni ud-da-ni-i še-ir BA.UG. nu ku-e-da-ni ud-da-ni-ja še-ir an-tu-uḫ-ša-aš ḫar-ak-ta nu-za zi-ik-ka [me-ik-ki uš-ga-aḫ-ḫu-ut] 'и ради своей пользы будь в высшей степени осмотрителен <во всех случаях, подобных> этому

и косвенно действующие (хотя бы и через сакральные ограничения) факторы демографического характера, искусственно сдерживавшие рост населения (ср. роль демографических факторов в тех кризисах голода, которыми в большей степени определился крах Хеттского царства, и т. п.).

⁶ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, стр. 81 и прим. 134; Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, — ВДИ, 1971, № 4, стр. 286 (под вопросом). Ввиду того, что контекст, в котором употребляется урартское *mariaḫini*, гипотетически сближаемое с человеком *marī*, если не с *marī* 'укрепление' (Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-Блура, Ереван, 1966, стр. 100), остается неясным (см. там же, стр. 24 и 39, 41; Г. А. Меликишвили, там же, стр. 267—268 и 286), приходится оставить это свидетельство без рассмотрения.

рассказу о дворцовой женщине. Кто был ¹*Marijaš*, который погиб из-за следующего дела? Разве не проходила мимо иеродула? А он на нее загляделся. Отец же Солнца (царя, т. е. Суппилулиумаса.— В. И.) выглянул как раз из окна <и увидел это>. И он его схватил <, сказав:> «Почему, мол, ты на нее посмотрел?» И тот погиб из-за этого дела. <Так> ты будь [очень осмотрителен] относительно дела, из-за которого погиб человек' (КВо V 59, III 51—58⁷). Существенными представляются два обстоятельства. Во-первых, в конце приведенного отрывка хет. *antuḫšaš* 'человек' является соответствием того слова — быть может, нарицательного, а не собственного имени существительного, которое на языке Хайасы могло звучать *Marijaš* (если знак детерминатива мужского собственного имени употреблен здесь и в других цитируемых ниже местах не в совсем обычном смысле). Во-вторых, этот отрывок следует за разделом⁸, в котором излагаются запреты каких бы то ни было посягательств правителя Хайасы в отношении женщин из Хаттусаса. В таком же контексте употреблено имя существительное ¹*Marijaš* в следующем разделе договора: A.NA. ¹*Ma-ri-ja-kán DUMU. SAL.KA ar-ḫa da-a na-an ŠEŠ-ni pa-a-i* (III, 65—66) 'и возьми свою дочь прочь от ¹*Marija-* и отдай ее брату'⁹. Единственное естественное толкование этого места возможно в случае, если ¹*Marijaš* здесь — передача хайасского нарицательного, означающего 'молодой человек такого класса, в брак с членами которого могли вступать дочери правителя'. Из этого же государственного договора видно, что в Хайасе практиковался брак между братьями и сестрами внутри царского рода¹⁰, что соответствует кровосмесительным бракам, обнаруживаемым в качестве предельной формы эндогамии высшего социального ранга (при эндогамии других рангов) в таких обществах, как древнеегипетское, где «фараон считался законным обладателем престола только в том случае, если он был женат на той царевне или царице, которая являлась представительницей древней линии царь-наслед-

⁷ Цитируется по изданию: J. Friedrich, *Hethitische Keilschrift-Lesebuch*, t. I, Heidelberg, 1960, стр. 17.

⁸ Этот раздел здесь опущен, так как он дан в русском переводе в кн.: И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, Ереван, 1968, стр. 91. См. также немецкий перевод: J. Friedrich, *Staatsverträge des Hatti-Reiches*, t. 2, — MVAG, 34, 1, 1930, стр. 103 и сл. (ср. в комментарии к переводу Фридриха существенные замечания о термине *Marija-*).

⁹ Таково буквальное толкование текста; о других возможных интерпретациях ср. И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, стр. 92.

¹⁰ Новейший перевод соответствующих мест договора см.: E. von Schuler, *Die Kaškäer. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien*, Berlin, 1965 (*Ergänzungsbände zur «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., 3*).

ниц. Преимущественное же право на брак с такой наследницей (а следовательно, на обладание престолом в будущем) из всех сыновей царя в первую очередь имел сын главной жены — наследницы, который женился, таким образом, на своей единокровной и единокровной сестре»¹¹. Точно таким же образом объясняется аналогичное установление в древнем Перу, культура которого «с полным правом может быть сопоставлена с обществами Древнего Востока, в особенности с Древним Царством Египта»¹²: когда «возникло стремление задержать должность правящего инки в пределах одной фратрии (Ханан), инки ввели обычай брака с собственной сестрой и таким образом закрепили должность за своей фратрией и своими сыновьями»¹³. Так же и на Гавайях кровосмесительные браки (p'i'o), в частности браки брата и сестры¹⁴ у высшей знати, служили для повышения ранга первенца¹⁵. Во всех этих случаях и других, им подобных, кровосмесительный брак при наличии социальных рангов служит пределом изоляции высшего ранга¹⁶. Давно уже высказывалась мысль о том, что позднейшая кара — смертная казнь за такой брак у хеттов в Новом царстве — позволяет предположить его наличие в древности¹⁷. Действительно, в

¹¹ М. Э. Матъе, Из истории семьи и рода в древнем Египте, — ВДИ, 1954, № 3, стр. 56. Ср. об аналогичном обычае в древней Мономотапе: Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, — «Африканский этнографический сборник. IV. История, этнография, языковедение», М. — Л., 1962, стр. 79. Из других африканских параллелей можно указать также на инцест разнополых близнецов, носивших царские имена, у куаньямо амбо: E. M. Loeb, The Twin Cult in the Old and New World, — «Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dicata», XXXI Congreso Internacional de Americanistas, I, México, 1958, стр. 162.

¹² А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964, стр. 186.

¹³ Там же, стр. 192.

¹⁴ The legend and myth of Hawaii by his Hawaiian majesty Kalakaua, ed. by R. M. Daggert, New York, 1888, стр. 53; A. F o r n a n d e r, An account of the Polynesian race, vol. 2, London, 1880, стр. 113, 126—127, 310; Kelepino's traditions of Hawaii, ed. by M. W. Beckwith, — «Bishop Museum Bulletin», 95, Honolulu, 1932, стр. 10—13, 124—128, 130—143, 195—198; M. W. Beckwith, Hawaiian mythology, New Haven, 1940, стр. 376—378; D. M a l e, Hawaiian antiquities, 2 ed., Honolulu, 1951, стр. 54—55; M. K a m a k a u, Ka Po'e Kahiko, The people of old, Honolulu, 1964, стр. 7—8.

¹⁵ W. D a v e n p o r t, «The Hawaiian cultural revolution», some political and economic considerations, — «American anthropologist», vol. 71, 1969, № 1, стр. 7. Известия этого же характера, сообщаемые в старояпонских источниках, в последнее время оживленно обсуждаются в японоведческой литературе.

¹⁶ См. об этом в связи с кандийским царством на Цейлоне, где в поздний период отмечался такой обычай: N. Y a l m a n, Under the Bo Tree, Berkeley and Los Angeles, 1967, стр. 349—350.

¹⁷ Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, стр. 118. Там же см. о древнеармянской параллели к царским кровосмесительным бракам; сопоставление с Хайасой, однако, в данном случае остается

среднехеттскую эпоху царица Асмуникал была одновременно и сестрой, и женой царя¹⁸. Возможно, именно наличием в древности подобного установления объясняется то, что в цитированном государственном договоре хеттская сторона отчетливо формулирует само это установление у правителя Хайасы и его невозможность у хеттов (II 28—34); *A.NA KUR*^{URU} *Ha-at-ti-ma-kán ša-a-ak-la-iš du-uk-ka-ri ŠEŠ-ŠU NIN-ZU*^{SAL} *a-a-an-ni-in-ni-ja-mi-in Ú.UL da-a-i Ú.UL-at a-a-ra ku-iš-ma-at i-e-zi a-pi-ni-iš-šu-u-ú [a-an-na ut-tar na-aš*^{URU} *Ha-at-tu-ši Ú.UL ħu-u-iš-šu-u-lz-zi a-ki-pa [nu-uš-ša-an] šu-me-in-za-an KUR-e dam-pu-u-pí ku-it an-da-at za[lu-ga-nu]an-ta ŠEŠ-SU-za NIN-ŠU*^{SAL} *a-an-an-ni-in-ni-ja-mi-in da-aš-kán-zi*^{URU} *Ha-at-tu-ši-ma-at Ú.UL a-a-ra* 'для страны хеттов обычай важен: брат сестру свою (или) двоюродную сестру не берет <в жены>. Это не соответствует правильному закону¹⁹. Кто же это сделает,

чисто типологическим, так как в каждом из указанных обществ предполагается определенный уровень социальной организации, который едва ли выводим из культурной или этнической преемственности (возможной по отношению к Хайасе и Армении). Ср., однако, об ареале распространения подобных браков вокруг Малой Азии в связи с проблемой их наличия у хеттов: Г. И. Довгяло, К истории возникновения государства, Минск, 1968, стр. 140—141, там же более ранняя литература; ср. о древнехеттском периоде также: В. В. Иванов, Интерпретация древнехеттского фрагмента 2 Во TU 10β,— «IV сессия по древнему Востоку», М., 1968, стр. 71—72; O. R. Gurney, *Anatolia c. 1750—1600 B. C.*,— «The Cambridge Ancient History», ed. 3, vol. II, pt I, Cambridge, 1973, стр. 236—237 и 667—668 (со ссылкой на работу Г. И. Довгяло).

¹⁸ A. Kammenhuber, *Die Sprachstufen des Hethitischen*,— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd 83, H. 2, Göttingen, 1969, стр. 262.

¹⁹ Хет. ага родственно др.-инд. *agi*, *ṛ* (*er), в частности, в *ṛ-ta* с тем же значением, что и ага, ср. подробно об этом корне: В. В. Иванов, Разыскания в области анатолийского языкознания. 2,— «Этимология 1971», М., 1973; его же, Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен,— «Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов», М., 1975. Этот же термин по отношению к кровосмесительному браку братьев и сестер употреблен в древнехеттской повести о тридцати близнецах-сыновьях царицы Канеса (-Несы). Повесть может отражать общинноевропейский близнецный миф об incestе близнецов (брата и сестры в индоиранской традиции, трех братьев-близнецов и сестры в древнеирландской традиции, см. G. Dumézil, *Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi*, Paris, 1971, стр. 346 и сл.). В ней рассказывается, как тридцать братьев, брошенных после рождения в горшке в реку (архаический обычай расправы с близнецами, ср. А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, ср. мотив сына, брошенного в море, известный из античной литературы), вернулись в родной город, но мать их не узнала и дала им в жены тридцать их сестер. Последний из братьев сказал: «Не будем мы брать в жены своих сестер. Вы не совершите такого проступка. Это не по нашему закону (ара)», см. H. Otten, *Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (Studien zu der Boğazköy-Texten, 17)*, Wiesbaden, 1973. В хеттском мифе, как и в преданиях и сказках

подобное дело <сотворит>²⁰, тот в городе Хаттусасе не живет, его убивают. А ваша страна грубая. В ней обычно, что брат себе <в жены> сестру свою <или> двоюродную сестру берет. В городе же Хаттусасе это не соответствует правильному закону¹. Ссылка на эти различия в законах Хайасы и Хаттусаса повторяется и в разделе, следующем за приведенным рассказом о гибели ¹Marijaš и предшествующем цитированному месту о передаче (дочери правителя) от ¹Marijaš к ее брату. Во всем контексте договора речью может идти о разрешении специфичных для Хайасы браков между братом и сестрой, но не между дочерью правителя и ¹Marijaš.

Для разъяснения значения последнего слова существенны и два других его упоминания в последнем разделе цитируемого текста. В отношении будущего времени хеттский царь дает обещание защищать «вас, людей Хайасы, человека ¹Marija- и свойственников страны Хайасы» (IV 26—27): šu-me-eš LÚMEŠ URUHa-ja-ša ¹Ma-ri-ja-an LUMEŠ ga-e-ni-eš ŠA KUR URUHa-ja-ša. Поскольку гаена-²¹ означает свойственников-родственников по браку, естественно предположить, что между людьми Хайасы и всеми их свойственниками находится название потенциального мужа дочери — ближайшего родственника по браку. Это же предположение может быть использовано и для объяснения заключительных строк договора (IV 41—43): nu-uš-ša-an am-mu-uk A.NA LÚ KUR URUHa-ja-ša ¹Ma-ri-ja URUHa-ja-ša-ja i-da-lu Ū.UL tág-ga-aš-ḫl 'и я не причину зла человеку страны Хайасы и <человеку> ¹Marija города Хайасы'²². Как отметил И. М. Дьяконов, из

многих других народов, младший (хет. arezzijaš 'последний' = 'младший') брат в отличие от старших (хет. ḫantezzijaš 'первый' = 'старший') играет роль героя, учреждающего социальный порядок. Наиболее близкой типологической аналогией является роль То Кабинана в меланезийском мифе; этот культурный герой во втором поколении вводит запрет на кровосмесительные браки между братьями и сестрами, которые в первом поколении осуществлялись после того, как мифологическая героиня родила культурных героев и первых женщин, см. Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 70 и сл.

²⁰ Эта часть текста опущена в указанных выше переводах И. Фридриха и И. М. Дьяконова, между тем — это отдельное предложение (именное), начинающееся энклитическим союзом -a: ariniššuwana-uttar 'и подобное дело'.

²¹ Хеттское гаена-, быть может, родственно лат. genex 'зять' с таким же -p- <*-m-, ср. отсутствие конечного -g в авест. zāmaoya, афг. zum 'зять' при авест. zāmātar, др.-инд. jamatar; Е. Benveniste, Vocabulaire des institutions indo-européennes, I, Economie, parenté, société, Paris, 1969, стр. 256 (судя по греч. γαμρός, прямо связано с корнем *gme в названии 'брака', хотя вокализм, как и в хеттском гаена-, вызывает трудности).

²² По близкому пути в интерпретации текста шел И. М. Дьяконов, но он считал это собственное имя принадлежностью соправителя Хайасы, кото-

текста с очевидностью вытекает, что ¹Marijaš «по-видимому, рассматривается как возглавляющий „свойственников Хайасы»²³. А поскольку вместе с тем ¹Marijaš относится в одном и том же тексте к нескольким денотатам — к различным лицам и употребляется, следовательно, в обобщенном смысле, то естественно предположение, согласно которому речь идет о наименовании целого класса отличных от сиблингов родственников (высшего социального ранга) по браку, т. е. брачного класса, на представителях которого могли жениться дочери правителя (хотя предпочтение отдавалось их собственным братьям по отмеченной закономерности). Иначе говоря, при браках дочерей правителя Хайасы выбор мог делаться между братьями и людьми категории *Marija-*.

Выведенное из всех словоупотреблений в рассмотренном тексте предполагаемое значение хайасского собственного имени *Marija* согласуется и с предположенным выше употреблением *marī-* в урартском тексте.

Урартское слово обоснованно сближалось И. М. Дьяконовым с хурритск. *marjanni*=*marī-appe*, мн. ч. *marī-appa* (форма с суффицированным артиклем -*ppi*, аккадизированное -*ppi* в *marjappu*), которое выступает в различных источниках²⁴ (из Египта, архивов Богазкея=Хаттусаса, Угарита, Алалаха) в качестве обозначения социального класса. На основании некоторых военных данных для этого слова принималось значение 'воины-колесничие', предполагавшееся и для его употреблений в угаритских текстах, но позднее для текстов из Угарита было определено более общее значение одного из высших социальных классов, представители которого получали от царя землю (а из царских конюшен и складов коней, повозки, оружие) и не включались в число общинников, а должны были нести службу, соответствующую их должности «при царе» (угаритск. *bnš mlk*, аккадск. *a:ad šarri*)²⁵.

рый позднее стал правителем Хайасы, см. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 92 и прим. 43. Другое же упоминание Мариаса он считал относящимся к его родичу, см. там же, стр. 91, прим. 41. Последняя фраза может быть понята и как трехчленная, если сочетание URU¹HaJaša (за которым следует энклитический союз -*ja*·'и') не считать атрибутом к ¹Marijaš: 'человеку страны Хайасы, человеку ¹Marija- и городу Хайаса', но это менее вероятно.

²³ Там же, стр. 92.

²⁴ R. T. O'Callaghan, New light on the *maryannu* as «chariotwarrior»,— «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd I, H. 3, Heidelberg, 1951, стр. 309—324 (там же вся предшествующая литература). Следует отметить, что в ряде приводимых им текстов отмечается значительное число людей *marjappu* (на что обратил внимание еще Олбрайт), что могло бы представить интерес и для объяснения урартского контекста.

²⁵ I. M. Diakonoff, Die Arier im Vorderen Orient, стр. 114, прим. 91.

Как и по отношению к другим обществам, где имеется система иерархических социальных рангов, представители которых получают земельные дарения в обмен на несение службы²⁶, название конкретного ранга может быть лишь символически связано с выполнением соответствующих ритуальных и социальных функций. До того, как А. Камменхубер пришла к крайнему скепсису в своих работах о месопотамском арийском²⁷, она предполагала для слова *magjappu* первоначальное значение 'колесничий' и расширительное употребление типа образного использования нем. *Ritter*, рус. *рыцарь*²⁸, ср. также употребление латинских производных от *equus* типа *equitus*, *equitas* и т. п.²⁹. В дальнейшем А. Камменхубер и И. М. Дьяконов поставили под сомнение арийское происхождение этого слова, хотя ввиду наличия ярких индоиранских параллелей И. М. Дьяконов не исключает возможности значительно более древних «бореальных»

²⁶ К типологии таких систем ср. В. В. Иванов, Бинарные структуры в семиотических системах, — «Системные исследования 1972», М., 1972, стр. 229; ср. подход, использующий идеи Мосса, по отношению к Шумеру в недавних лекциях J. Bottéro, *Antiquités assyro-babyloniennes*, — «Ecole pratique des Hautes Etudes, IVe section. Annuaire 1970—1971», Paris, 1971, стр. 88—89 и сл.; обобщение работ по проблеме собственности на землю на древнем Востоке см. И. М. Дьяконов, Рабы, илоты и крепостные в ранней древности, — ВДИ, 1973, № 4 (126), там же литература вопроса; ср. I. J. Gelb, *From Freedom to Slavery*, — «Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale, München, 29. Juni bis 3 Juli 1970» (Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Abhandlungen, N. F., H. 75, Veröffentlichungen der Kommission zur Erschließung von Keilschrifttexten, Serie A/6, Stück), München, 1970, стр. 90. Ср. о дарении земли и рангах: М. В. Крюков, Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики), — «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968; А. М. Носарт, *The Northern States of Fiji*, London, 1952, особенно стр. 240, 248 (там же соответствующие схемы, аналогичные тем, которые разобраны в других указанных работах).

²⁷ А. Камменхубер, *Die Arier im Vorderen Orient*, Heidelberg, 1968, стр. 211—232. Ср. сочувственную развернутую статью-рецензию: И. М. Дьяконов, Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа, — ВДИ, 1970, № 4, стр. 58—59; И. М. Дьяконов, *Die Arier im Vorderen Orient*, стр. 114—115. См. дальнейшую литературу вопроса: А. Камменхубер, *Die Arier im Vorderen Orient und die historischen Wohnsitze der Hurriter*, — «Orientalia», vol. 46, fasc. 1, 1977, стр. 129—143.

²⁸ А. Камменхубер, *Hippologia hethitica*, Wiesbaden, 1961, стр. 16. О толковании слова ср. также И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 68. Пользуюсь случаем принести благодарность И. М. Дьяконову за любезно высказанные в письме советы по этому вопросу и ряду других, затрагиваемых в настоящей статье.

²⁹ См. об этих латинских социальных терминах и их итальянских соответствиях: В. В. Иванов, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии, — «Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969.

(ностратических) связей³⁰ (сообщение в письме к автору от 21 мая 1972 г.). Однако образование от хурритского термина *marjanni* хурритского *marījannardi* 'знать, рыцарство'³¹, 'высший социальный ранг' ничего не говорит против индоиранского его происхождения, так как это хурритское производное явно вторично: это видно уже из того, что оно образовано от формы имени с суффицированным артиклем. Но несомненно достаточная древность такого существительного, от которого могло образоваться это производное. Что же касается рассмотренных выше значений хурритского, урартского и хайасского терминов, они хорошо согласуются с древнейшими употреблениями ведийского *māṅya-*.

Др.-инд. *māṅya-* в наиболее архаических текстах выступает в качестве социального термина, обозначающего 'молодого человека'³², ср. в «Ригведе» значение «жених, молодой супруг»³³, в позднейшем санскрите значение 'юноша в расцвете сил, любимый жених'. Ритуальное значение ведийского *māṅya-* как термина, употребляемого, когда речь идет «о мужчинах, объединенных для совершения жертвоприношения»³⁴, делает вероятным предположение, что *māṅya-* означало первоначально 'юношу, прошедшего инициацию и вступившего в мужской союз'. В свете работ Викандера о древнеиндийском и древнеарийском мужском союзе, развитых в недавних исследованиях Ж. Дюмезиля³⁵, проясняется и первоначальное значение *māṅya-*. Исходное значение названия мужского возрастного социального класса кажется весьма

³⁰ Связь этого хайасского имени (сопоставленного им с урартским) с индоевропейскими терминами предположил Г. Б. Джаукян, см. Г. Б. Джаукян, Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964, стр. 35—37, где в связи с этим упомянуто и арм. *marī* 'самка', лат. *marī-tus* 'женатый' (возводится к **marī-to-* 'имеющий невесту', см. С. Watkins, Indo-European roots, — «The American Heritage dictionary of the English language», New York, 1971, стр. 1527). Но Г. Б. Джаукян оставил без рассмотрения контексты, в которых употребляются эти хайасские и урартские имена, поэтому и проблема их связи с древнеиндийским словом осталась нераскрытой.

³¹ E. Laroche, Fragment hourrite provenant de Mari, — «Revue d'assyriologie», LI, 1957, стр. 105 и сл. Ср. об этом слове: В. В. Иванов, О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия до н. э., — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г.», М., 1968.

³² L. Renou, Etudes védiques et paniniennes, X, стр. 10, 64 (2); IV, стр. 49; A. Minard, [рец. на кн.:] L. Renou, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 59, fasc. 2, 1964, стр. 55.

³³ H. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig, 1873, стр. 1010 (значение 4).

³⁴ Там же, значение 3.

³⁵ См. о пионерском значении исследования Викандера, намного опередившего свое время (книга шведского ученого вышла 30 лет назад): G. Dumézil, *Heur et malheur du guerrier*, Paris, 1969, Préface.

правдоподобным для общегреческо-арийского диалектного термина, так как др.-греч. $\mu\epsilon\tau\rho\alpha\chi\epsilon\iota$, $\mu\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\chi\iota\omicron\nu$, родственное др.-инд. *maṅya-ka* 'человечек' (ср. также тип уменьшительных на -k в армянском), относилось первоначально преимущественно к юношам от 14 до 20 лет (другие употребления $\mu\epsilon\tau\rho\alpha\chi\epsilon\iota$ выводятся из характерной для многих языков мира типологической универсалии, согласно которой значение уменьшительности связывается со значением женского класса существ³⁶). Сам по себе этот временной отрезок, обнаруживаемый в первоначальном уменьшительном производном, может быть несколько более приближен к младшему возрасту, но связь с понятием возрастного мужского класса представляется весьма возможной. С др.-инд. *maṅyākā* сопоставлялось также и афганск. *maṅyāu* (м. р.) 'раб', 'невольник', семантически точно соответствующее йидга *maṅi* 'раб, невольник'; оба эти слова подтверждали бы возможность развития значений в сторону обозначения социального класса (низшего в обоих восточно-иранских языках, что представляет интерес и для окончательного истолкования значения урартского термина в тексте, где перечисляются люди царского хозяйства); афг. *maṅyāu* 'раб, невольник' (муж. р.) возводится к иран. **maṅyākā*³⁷, этимологически тождественному др.-инд. *maṅyākā* 'самец' (от разобранного выше *maṅya-*); предполагается тождество афганского акцентного типа В с окситонезой в древнеиндийском³⁸.

В пользу предложенной интерпретации предыстории ведийского *maṅya-* говорит и предполагаемое Дюмезилем сближение этого слова и родственного ему авест. *maṅya-* в качестве обозначений «лишнего» (готового к переселению) молодого человека с ведийским именем *Maṅūt-*, обозначающим «военных сотоварищей Индры, мифологический «Männerbund» (мужской союз) ведийских гимнов»³⁹; для рассматриваемого круга вопросов особенно существенно то, что уже около XVII в. до н. э. это имя засвидетельствовано в касситском (*Maṅut-taš*⁴⁰, *Murutaš*, *Marattaš*), чем доказывается его наличие в еще

³⁶ В. В. Иванов, Семантическая категория малости-величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира.— сб. «Проблемы африканского языкознания», М., 1972, стр. 52, 59—60, 71—72, 86.

³⁷ G. Morgenstierne, *An etymological vocabulary of Pashto*, Oslo, 1927, s. v. *maṅyāu*.

³⁸ В. А. Дыбо, Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии.— в кн. Балто-славянские исследования, М., 1974, стр. 93, 105.

³⁹ G. Dumézil, *La religion romaine archaïque*, Paris, 1966, стр. 214.

⁴⁰ G. Dumézil, *Dieux cassites et dieux védiques à propos d'un bronze du Louristan*,—«Revue hittite et asiatique», fasc. 52, стр. 18 и сл. Ср. I. M. Diakonoff, *Die Arier im Vorderen Orient*, стр. 98.

более древнем месопотамском (индо) арийском. Как отмечает Дюмезиль⁴¹, этот же суффикс *-ut* представлен и в некоторых других ведийских производных, но не древнее ведийского, чем удостоверяется индоарийский характер термина.

Любопытную параллель к вероятному перенятию индоиранского *marja-* в хурритский, урартский и хайасский (если этот последний был отличен от двух предшествующих) представляет позднейшее заимствование этого же слова в финноволжский язык древнего племени, известного в древнерусских текстах под именем *меря* и отождествляемого Фасмером вслед за Кастреном с современными *марийцами*⁴². Название этого племени, видимо, разъясняется не с помощью самодийской основы (ненецк. *mar'* 'самец северного оленя')⁴³, которая связана с рассматриваемой индоиранской согласно ностратической гипотезе⁴⁴. Самодийское и марийское слова семантически и формально слишком разобщены, чтобы было

⁴¹ G. Dumézil, *La religion romaine archaïque*, стр. 215.

⁴² M. Vasmer, *Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas*. III. *Merja und Tschereimisen*,— SPAW, 1935. Признавая индоиранское происхождение имен *меря* и *марий*, А. И. Попов отказывался, однако, от отождествления народов *меря* и *марийцев*: А. И. Попов, *Названия народов СССР*. Введение в этнонимистику, Л., 1973, стр. 106. Следует, однако, заметить, что А. И. Попов слишком увлекся поисками этнонимов, связанных с иранск. (точнее индоиранск.) *mar-*; упоминаемое им на стр. 103, прим. 70, название киммерийцев — основных врагов лидийцев — прямых наследников хеттской языковой традиции — скорее можно сравнить с хет. *gimra* 'степь', ср. V. V. Ivanov, *On the reflex of the Indo-European Voiced Palatal Aspirate in Luwian*,— «*Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz*», Wrocław, 1965, стр. 132; см. о хет. *gimra* и лув. *immar* также В. Соп, *Indogermanica minora*. I. *Sur les langues anatoliennes* (Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, *Razred za folološke in literarne vede, Razprave*, VIII), Ljubljana, 1971. См. также рецензию автора («*Известия АН СССР*», серия литературы и языка, т. 33, вып. 2, 1974, стр. 172).

⁴³ Эта этимология была предложена еще Сетэлэ и принималась Фасмером, см. М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, М., 1967, стр. 606. Относительно ненецкого («*юракского*») слова ср. уже A. Castagne, *Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen*, SpB., 1855, стр. 40, 463 (*mar'* 'wildes Rentiermännchen').

⁴⁴ Это соответствие — ненецк. *mar'* < **mar(j)la* 'самец дикого оленя', индоевр. **mer-jo-* 'молодой мужчина' — указывается вместе с тунг. *miägä-* 'выходит замуж', дравид. **maḡa/maḡa* (вариант с вторичным *ḡ*), картв. *māga* 'мужчина' (сван. *māge*), семито-хамит. *m(j)g* 'мужчина, детеныш мужского пола' в качестве отражений ностратического названия 'юноши': В. М. Иллич-Свитыч, *Материалы к сравнительному словарю ностратических языков* (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский),— «*Этимология 1965*», М., 1967, стр. 373; егo же. Опыт сравнения ностратических языков,— «*Славянское языкознание*», М., 1968, стр. 416, табл. 7; егo же, Опыт сравнения ностратических языков, М., 1971, стр. 21, см. там же, стр. IV, в предисловии В. А. Дыбо о характере *ḡ* в этом слове в дравидском; [ḡ: II], М., 1976, стр. 39—41. Если принять допущение И. М. Дьяконова об исходной «бореальной» (ностратической) связи хурритско-урартского (и хайасского) термина с индоиранским, то отношение между ними должно войти в круг всех указанных ностратических параллелей.

возможным возведение их к одному прауральскому источнику.

Марийское луговое *marī*, горное *ma'gə* 'муж, мужчина, мариец' было признано заимствованием из арийских языков еще в основополагающем труде Якобсона⁴⁵. Леви, неоднократно отмечавший важность этого заимствования, свидетельствующего о большем влиянии, чем обычно культурное⁴⁶, обратил внимание на наличие чередований в этой основе: дат. *mar-lap*, эссив *mar-la* 'по-марийски'⁴⁷, *ma'gla* в недавно записанном акцентуированном горно-марийском тексте⁴⁸. Эта особенность, видимо, отражает историю слова, как и конечное ударение в луговом марийском *marī*, характерное для ряда заимствований (в частности, тюркских)⁴⁹, при обычном для заимствованных слов ударении на пенультиму в горном марийском *ma'gə*⁵⁰. Если, действительно, характер ударения этого слова еще позволяет его отделять от других исконно уральских слов марийского языка, то это позволяет дать относительную хронологию заимствования.

Как и урартское *marī* и хайасское ¹*Marija-*, марийское заимствование сохранило связь со специфическим для древнеиндоиранского значением 'мужчина, муж'. В то же время превращение этого слова в этноним в марийском напоминает то семантическое развитие, которое, видимо, имело место в языке Хайасы, чем и объясняется использование хеттского клинописного детерминатива мужского собственного имени перед ¹*Marijaš* в рассмотренном договоре.

Вся совокупность рассмотренных слов предстает по-новому в свете открытий, сделанных в цитированных выше работах И. М. Дьяконова.

⁴⁵ H. Jacobson, *Arier und Ugrofinnen*, Göttingen, 1922, стр. 245. См. также A. J. Joki, *Uralier und Indogermanen. Die älteren Behürungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen* (Suom.-ugr. seuran toim., 151), Helsinki, 1973.

⁴⁶ E. Lewy, *Kleine Schriften*, Berlin, 1961, стр. 374 (впервые напечатано в 1936 г.), ср. стр. 411.

⁴⁷ Там же, стр. 371, Апп. 2.

⁴⁸ Е. И. Коведяева, Проблемы акцентуации марийского языка, М., 1970, стр. 82, ср. там же на стр. 16 об отмеченном Рамstedтом явлении утраты основного ударения в *ma'gla-p* в горно-марийском.

⁴⁹ Там же, стр. 54.

⁵⁰ Там же, стр. 81. Утверждение иранского (а не индоиранского) источника для этого слова едва ли здесь правомерно. Согласно исследованиям Е. А. Хелимского, мар. *marī* 'мариец' произносится с конечным акутом (повышением тона в ударном слогe).